

М. К. Горшков

ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В последние годы отечественные социологи все активнее обращаются к анализу состояния и динамики развития массовидных духовно-психологических явлений и процессов, подверженных воздействию системной трансформации общества. Особое внимание уделяется изучению общенационального самосознания россиян. Крупномасштабные социологические замеры состояния российского общества, проведенные по однотипной методике и структуре выборки Институтом комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН) в 1988 и 2004 гг., а также данные многочисленных общероссийских мониторинговых и тематических опросов, осуществленных институтом с 1993 г., дают веские основания считать, что степень глубины и темпы изменения российского национального самосознания под воздействием трансформационных процессов не столь велики, как зачастую утверждается.

Советская парадигма, едва пошатнувшись под натиском "разоблачений" и "отмывания белых пятен" истории в первой половине 90-х годов, продолжает демонстрировать свою удивительную устойчивость. Подавляющее большинство наших сограждан, независимо от возраста, пола, образовательно-профессиональных характеристик и места жительства, как и ранее, относят к основным предметам общенациональной гордости события и достижения советской истории (табл. 1).

Вместе с тем в отношении к различным этапам и явлениям россий-

ской истории наряду с ярко выраженным консенсусным характером социально-исторического мировосприятия наблюдается поколенческая и региональная специфика. Так, Октябрьская революция 1917 г. активнее выделяется в числе значимых событий представителями старшего поколения, а продвижение России по пути рыночной экономики — представителями молодежных групп. Значительная часть респондентов до 35 лет полагает, что в нынешней России происходит быстрый экономический подъем, ведущий к инновационному прорыву, успехам в сфере образования и науки.

Традиционалистская Россия (средние и малые города, сельская местность) обращена в первую очередь к достижениям советской эпохи, тогда как мегаполисы, крупные областные центры в большей степени поддерживают перемены, связанные с ликвидацией "железного занавеса", демократизацией политической жизни, осуществлением рыночных преобразований.

Важно, однако, подчеркнуть, что возрастные и межрегиональные расхождения в историческом мировосприятии, как и в 90-е годы, не приводят к ценностному расколу российского общества. Главная причина та же, что и ранее: роль своего рода межпоколенческого буфера выполняют средние возрастные группы, которые своим сбалансированным отношением к событиям отечествен-

ГОРШКОВ Михаил Константинович — доктор философских наук, директор Института социологии РАН.

Таблица 1

Восприятие россиянами наиболее значительных достижений в истории страны, которыми следует гордиться, ранг

Предмет гордости	1998	2004
Победа в Великой Отечественной войне	1	1
Послевоенное восстановление страны	2	2
Великие российские поэты, писатели, композиторы	3	4
Достижения отечественной космонавтики	4	3
Первый полет Ю. Гагарина в космос	5	5
Достижения российских спортсменов	6	6
Отечественная система образования	7	7
Авторитет России в мире	8	8
Мощь и богатство дореволюционной России	9	10
Достижения отечественной медицины	10	11
Российская армия	11	9
Ликвидация "железного занавеса"	12	12
Выдающиеся российские цари и императрицы	13	13
Мученики и святые русской православной церкви	14	14
Октябрьская революция 1917 г.	15	15
Гласность и перестройка периода М. Горбачева	16	17
Успехи в создании рыночной экономики	17	16

ной истории уравнивают крайние позиции и оценки (рис. 1). Вот почему можно утверждать, что, несмотря на некоторые расхождения во мнениях "отцов" и "детей" по отношению к историческому прошлому и современному этапу развития России, между различными поколениями россиян практически не существует глубоких разногласий и "разрывов" по поводу восприятия действительности.

Вместе с тем исторический выбор общества, в котором россиянам хотелось бы сегодня жить, свидетельствует, с одной стороны, о яв-

ном предпочтении молодежи и большинства представителей средних возрастных групп оставаться в нынешней России, со всеми ее проблемами и противоречиями, а с другой — об очевидной ностальгии людей старшего возраста по жизни в СССР, их желанию оказаться в обществе "брежневского образца". Таким образом, историческое самосознание народа как довольно цельная и жесткая мировоззренческая конструкция продолжает оказывать влияние на процесс поиска "собственного места в благодатной эпохе" (рис. 2).

Рисунок 1

Доля считающих, что "СССР был первым государством в истории России, которое обеспечивало социальную справедливость", в составе разных когорт, %

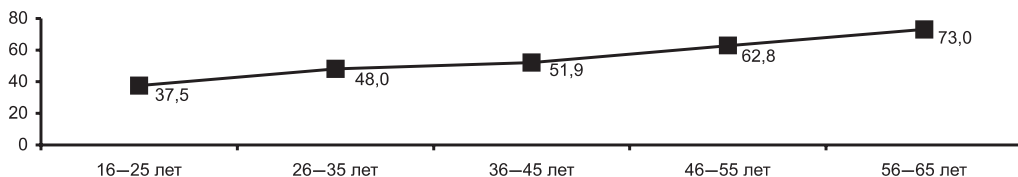
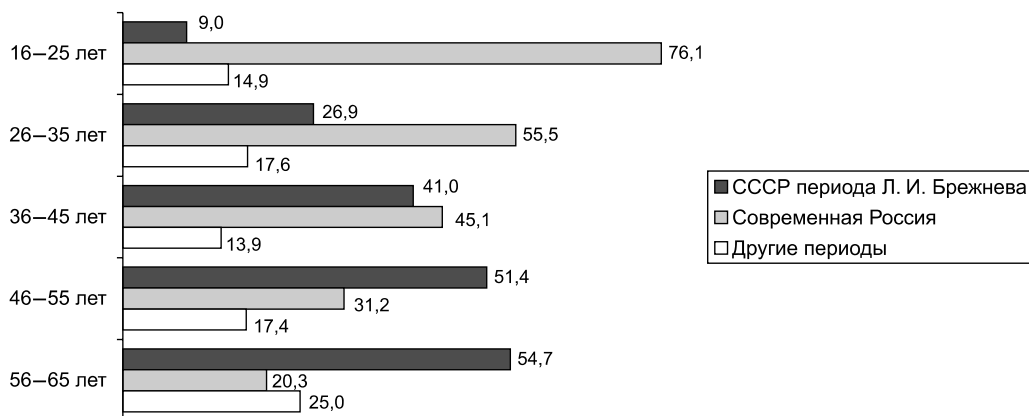

Рисунок 2

Исторические периоды, в которые предпочли бы жить различные поколения россиян, %

Для россиян одним из важнейших объектов общественного внимания, своего рода несущей конструкцией мировосприятия являются место и роль государства в экономической и социальной жизни. Результаты исследования 2004 г. показали обостренное восприятие нашими согражданами всего того, что связано с деятельностью государства в экономической и социальной сферах. Как и в 1998 г., сегодня главная установка россиян направлена на доминирование государства в экономике, в управлении собственностью. Означает ли это, что население выступает за возврат к огосударствлению всего и вся, а тем более за переход к плановой экономике? Нет, не означает.

Во-первых, судя по данным исследования, у людей нет антагонизма к рыночной экономике как таковой, хотя та ее модель, которая существует сейчас в России, большинством из них отторгается. И не только потому, что многие считают себя проигравшими в процессе ее утверждения, но и потому, что эта модель, с их точки зрения, наносит ущерб интересам государства и общества в целом. Во-вторых, как по-

казали оба исследования, хотя все отрасли стратегического характера, по мнению россиян, должны быть "в руках" государства, в ряде нестратегических отраслей, особенно связанных с удовлетворением повседневных потребностей людей, большинство допускают доминирование смешанной экономики. Это относится к строительству и эксплуатации жилья, средствам массовой информации, дорожному строительству, финансовой сфере, телефонной связи, пищевой промышленности. Безусловный приоритет здесь отдается развитию частного сектора в пищевой промышленности и печатных СМИ (табл. 2).

Ожидания россиян конкретных, не отложенных на слишком долгую перспективу результатов деятельности государства отражаются на приоритетном выборе ими целей общенационального развития. наших сограждан все меньше привлекает прежняя идеологическая риторика (и традиционная, и либеральная), а очевидным становится поиск новых объединяющих ориентиров, в которых было бы меньше идеологии и больше внимания качеству жизни.

Таблица 2

Динамика мнений россиян о том, какие организации, предприятия, отрасли должны управляться государством, а какие — частным сектором, %

(проранжировано в порядке убывания доли стремящихся видеть доминирование государства в соответствующей отрасли)

Организации, предприятия, отрасли	Должны управляться:					
	Государством		Частным сектором		И государством, и частным сектором	
	2004	1998	2004	1998	2004	1998
Электростанции	85,7	88,4	2,0	1,7	12,2	9,3
Добыча нефти	80,2	74,8	2,7	3,7	17,1	21,3
Угледобывающая отрасль	76,9	74,2	3,4	4,5	19,8	21,0
Железнодорожный транспорт	76,7	82,4	2,6	3,3	20,7	14,0
Вузы	73,2	73,4	1,1	2,5	25,6	23,7
Школы	73,0	67,8	1,5	3,4	25,5	28,5
Пенсионные фонды	71,5	75,1	2,2	1,5	26,3	23,0
Металлургические заводы	70,1	69,8	4,2	4,7	25,7	24,8
Авиационный транспорт	69,8	68,8	4,2	4,5	26,0	26,4
Медицинское страхование	60,0	61,3	4,2	4,2	35,8	34,0
Больницы	55,1	55,2	2,4	2,5	42,5	42,1
Театры, музеи, библиотеки	54,0	56,7	4,8	4,7	41,1	38,2
Сельскохозяйственные земли	50,6	42,0	11,0	15,6	38,4	42,2
Телефонная связь	40,9	56,7	10,2	6,0	48,8	36,7
Эксплуатация жилищного хозяйства	40,3	42,0	11,2	10,1	48,5	47,4
Банки	40,1	44,9	7,2	6,3	52,7	48,5
Строительство и предоставление жилья	37,0	38,6	5,5	6,6	57,5	54,6
Дорожное строительство	36,2	40,5	10,2	9,6	53,7	49,4
Радио	31,9	41,0	11,3	7,5	56,9	51,3
Телевидение	31,5	40,2	11,0	7,5	57,5	52,0
Газеты	27,5	33,7	11,9	8,9	60,6	57,0
Производство продуктов питания	26,6	23,4	14,0	15,7	59,4	60,6

Примечание: жирным шрифтом выделены позиции, по которым за шесть лет, прошедших между опросами, изменения превысили 5%.

Примечательны главные общенациональные цели россиян: повышение качества жизни; наведение порядка во всех сферах жизни; создание равных возможностей для всех; прекращение процесса вырождения русской нации; усиление охраны здоровья населения; духовно-нравственное возрождение общества; превращение России в великую державу (рис. 3).

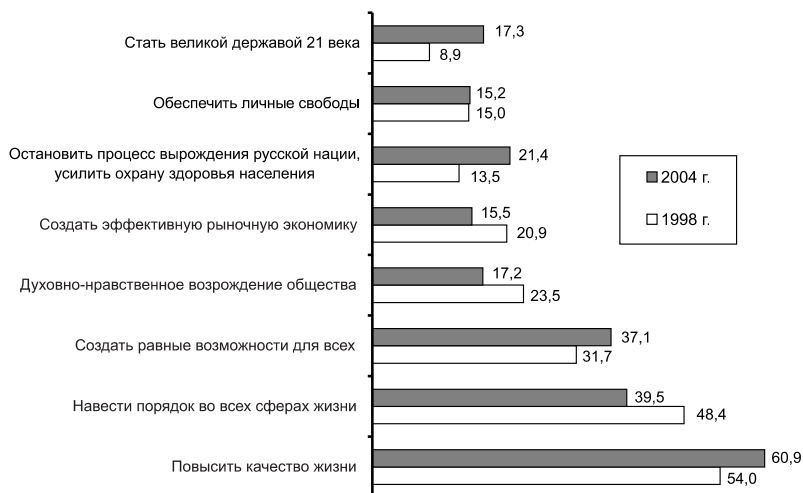
Обращает на себя внимание, что ни один из первых трех названных целевых пунктов не может быть отнесен к числу высоких идеалов, имеющих общечеловеческое значение. По существу речь идет просто о том, чтобы после периода неурядиц, неурядиц и лишений вернуться к "нормальному" состоянию общественной жизни. Но, как отмечал когда-то Ф. М. Достоевский, едва толь-

ко человек приобретает чаемые им "хлебы", как перед ним сразу же возникает вопрос о смысле. Поэтому вряд ли стоит сомневаться, что как только ситуация в стране нормализуется, проблема приоритетной цели, высокой общенациональной идеи немедленно встанет перед людьми во всей своей масштабности и значимости.

К настоящему времени прагматическая направленность массового сознания россиян явно усилилась. Это вполне объяснимо, если учесть сложившуюся к концу 90-х годов в общественных устроениях неоконсервативную волну. Ее главная доминанта — возвращение от западных увлечений периода становления демократии к "исконно российским" представлениям, нравственным устоям и образу жизни. Тра-

Рисунок 3

Какие общенациональные цели развития поддерживают россияне, %

диционные ценности постепенно восстанавливают свое влияние на общество, переходящее от романтических увлечений к реальной жизни. Тем самым ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть. Даже в условиях системной трансформации российского общества, практически все аспекты и проблемы современного мира — демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством, получают в России специфическое звучание. Иными словами, и под воздействием глубоких экономических и социально-политических преобразований, общенациональный менталитет россиян представляет собой если не константу, то, во всяком случае, величину достаточно независимую, которую нельзя изменить по заказу или указу.

Одно из ярких подтверждений сказанного — отношение россиян к свободе. Судя по данным исследований, свобода для большинства российских граждан — это важней-

шая смыслообразующая ценность, без которой им трудно представить полноценную жизнь. Однако содержательное наполнение этого понятия в сознании россиян существенно отличается от нормативного понимания свободы на Западе. В специфически российской интерпретации — это, скорее, личная независимость, возможность быть самому себе хозяином, чем реализация каких-либо политических прав, предполагающая взаимозависимость индивидов в гражданском обществе (а потому и подотчетность друг другу, взаимное ограничение возможности быть самому себе хозяином). В целом позицию "свободы-вольницы" разделяют свыше 60% россиян, тогда как "правовую" трактовку свободы — около 40%.

В течение последних шести лет продолжалась деполитизация массового сознания, происходило размывание ядер основных идейно-политических групп. Одновременно формировалась "синтетическая" идеология, вбирающая в себя фрагменты ранее полярных идеологических течений (либеральные и патриотические ценности, социальная справедливость и

рынок). Подобный синтез, получивший название "путинского консенсуса", охватывает до 2/3 современного российского общества. В качестве ведущих парадигм массового общественного запроса сформировалась триада — благосостояние, порядок, социальная справедливость, занимающая ведущие позиции во всех электоральных группах.

На фоне общей деполитизации несколько возросли ценности русского этнического национализма, русской самобытности, также претендующей на роль некоей "синтетической идеологии". Носителем такого запроса являются современные активные слои общества, в том числе молодежь, что говорит о его перспективности. Однако этот "новый национализм" не носит мобилизационного характера, это скорее компенсация за слабую общегражданскую идентичность. Тот факт, что он выполняет функции замещающей локальной идентичности, подтверждается, в частности, тем, что многие "новые русские националисты" гото-

вы поддержать региональный сепаратизм.

Вопрос об особенностях общенационального самосознания тесно связан с тем, кем россияне себя ощущают, кто для них "мы", а кто — "они". С кем же они отождествляют себя сегодня? К кому испытывают наибольшую близость, с кем ощущают чувство общности?

Разобраться в этих вопросах помогает сравнение наших результатов с результатами исследования самоидентификаций россиян, проведенного Институтом социологии РАН в 1992 г. под руководством В. А. Ядова, а также с данными исследования ИКСИ РАН 1998 г. (табл. 3).

За прошедшие 12 лет наблюдался весьма значительный рост среднего числа положительных самоидентификаций. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что идейно-мировоззренческий, ценностный и идентификационный вызов, который бросил нашим согражданам внезапный слом всей их прежней жизни, они пытались преодолеть и успешно пре-

Таблица 3

С кем испытывали чувство общности россияне в 1992, 1998 и 2004 гг., %
(суммируются ответы "испытывали часто" и "иногда")

С кем испытывали чувство общности	1992 г.	1998 г.	2004 г.
С товарищами по работе, учебе	79,1	86,8	90,3
С людьми своего поколения	81,5	93,2	94,3
С людьми той же национальности	75,1	87,5	88,7
С людьми той же профессии, рода занятий	76,9	89,5	90,9
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь или его верования	73,0	89,8	91,5
С друзьями	75,1	95,5	97,3
С людьми, живущими в том же городе или поселке	73,1	80,5	82,1
С россиянами	71,0	74,3	78,5
Со своей семьей	75,1	96,6	96,7
С людьми того же материального достатка	67,6	86,5	88,6
С гражданами СНГ	48,8	46,5	49,0
С теми, кто не утратил веры в будущее	63,5	71,9	76,7
С теми, кто не ждет "манны небесной"	64,5	71,9	71,9
Со всеми людьми на планете	34,2	37,1	41,5
С теми, кто не любит "высываться"	53,2	56,3	52,5
С общностью "советский народ"	47,1	47,1	51,2
С теми, кто уверен, что главное — как повезет	46,3	58,6	55,7
С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	53,6	72,9	75,1
С теми, кто не интересуется политикой	46,2	68,8	65,8

Примечание: жирным шрифтом выделены идентичности, по которым наблюдался максимальный рост за последние 12 лет, курсивом — те, рост по которым составил не менее 15% от всех опрошенных.

одолевали за счет попыток "вписывания" себя в новые социальные роли и новые, ранее нехарактерные для них общности. На смену утраченным идентификациям приходили в первую очередь общности, характерные для стран с рыночной экономикой, причем скорее раннеиндустриальных, чем развитых. Несколько огрубляя, можно сказать, что в России росли самоидентификации с теми общностями, которые в странах Западной Европы наблюдались почти 100 лет назад, в период жесткой вертикальной стратификации и острой классовой борьбы.

Динамика изменения самоидентификаций россиян за 12 лет реформ позволяет сделать три важных вывода.

1. За этот период резко (почти в полтора раза) выросли идентификации, характерные для классовых обществ индустриального этапа развития — имущественная и политическая. Что особенно важно, очень интенсивно освоение этих идентификаций происходило не только в старших, но и в младших возрастных когортах.

2. Почти столь же резко выросли различные идентификации, связанные с близкими "по духу" людьми, что свидетельствует не только о восприятии окружающего мира как весьма опасного, но и о наличии в современном российском обществе значимых мировоззренческих и ценностных расхождений, которые в равной степени характерны для всех возрастных когорт.

3. Судя по количественным показателям, основные идентификационные изменения произошли в период 1992—1998 гг. Последующее шестилетие, в том числе "путинская стабилизация", их только закрепило.

Выбор той или иной самоидентификации коррелирует прежде всего с другими самоидентификациями индивида, а не с объективными или субъективными характеристиками его по-

ложения. Это значит, что идентификационный блок замкнут сам на себя, относительно автономен от положения индивида в обществе, в том числе и материального, и связан прежде всего с его базовыми ценностными ориентациями. Скачок в развитии этого блока пришелся на вторую половину 90-х годов, и поскольку распространенность различных типов самоидентификаций с тех пор практически не меняется, выбранный путь развития идентичности (включая развитие компенсаторных идентичностей взамен утраченных) оказался достаточно успешным. Если никаких серьезных катаклизмов в жизни России в обозримой перспективе не произойдет, можно ожидать сохранения той же картины макро- и микроидентичностей и в ближайшие годы.

В заключение еще об одном, весьма важном вопросе, вытекающем не только из результатов, но и из самого духа наших исследований — о сторонниках традиционализма и сторонниках модернизма. Несмотря на наличие в массовом сознании консенсусных позиций, в российском обществе существуют две группы противостоящих друг другу граждан по видению мира, пониманию роли государства и базовых ценностей в своей жизни. Одна группа составляет относительное большинство населения (41%). Это традиционалисты, которые отличаются ярко выраженной патерналистской ориентацией, поддержкой принципов общества социального равенства. Другая представлена меньшинством российских граждан (26%), ориентированных на принципы личной ответственности, инициативы, на общество индивидуальной свободы. Треть населения может быть отнесена к промежуточной группе, тяготеющей по большинству значимых мировоззренческих вопросов к сторонникам последовательного традиционализма.

Разумеется, нет ничего катастрофического в том, что в российском обществе существуют группы людей, имеющих полярные типы мировоззрения. Это характерно в тех или иных соотношениях для любого общества. Вопрос в другом: как относиться (прежде всего на уровне политики) к тому, что одна, причем большая часть населения стремится жить отнюдь не по рыночным канонам, терпит серьезные социальные лишения в ходе проводимых реформ, а потому, не являясь их социальной базой, лишь с неизбежностью принимает реальности нового общественного строя. Другая же, меньшая по численности группа, обладая модернистским сознанием, использует жизненные стратегии, отвечающие канонам рыночной экономики, стремится реализовать свой ценностно-мировоззренческий, образовательный и профессиональный потенциал и тем самым выступает опорным звеном в проведении реформ.

Осуществляя радикальные реформы в любой стране, а тем более в такой, как Россия, необходимо в полной мере осознавать: модернизация экономики и социокультурная модернизация, хотя и взаимосвязанные, но различные процессы. Разные по исходным предпосылкам, средствам, масштабам задействованного человеческого капитала, социально-психологическим ресурсам, объективно необходимого исторического времени. Но оба типа этих модернизаций в идеале можно синхронизировать, если придавать социокультурной составляющей общественных преобразований значение не меньшее, чем экономической.

Если модернизационный рывок времен И. Сталина позволил вывести страну в число индустриальных

держав, то социокультурная модернизация отстала от экономической на целый век. Внимание к экономической, точнее, военно-промышленной стороне модернизации настолько заслонило к 70-м годам прошлого века все остальные ее аспекты, что их значимость для успешной конкуренции России на международной арене оставалась просто вне поля зрения все последние десятилетия. В результате модернизационный рывок России "захлебнулся", а возможности его ускоренного осуществления оказались упущены. Социокультурная модернизация идет сегодня в стране своим естественным путем, а не ускоренными темпами, как должно было бы быть для обеспечения способности России успешно конкурировать на международной арене, а значит ее продвижение в ширь и в глубину общества зависит главным образом от смены поколений.

Вопрос для политического уяснения проблемы оказывается, в конечном счете, достаточно ясным: стране нельзя и дальше уповать на естественный процесс обновления человеческого потенциала, необходимого для системной модернизации страны. Требуется, утягивая ошибки XX в., приложить усилия к тому, чтобы осуществить управляемый рывок социокультурной модернизации, обеспечив тем самым возрождение России как конкурентоспособной державы.

Mikhail Gorshkov in "Dynamics of Mass Conscience in the Context of Social Transformation" analyses data of large-scale sociological survey on the state of the Russian society conducted by the Institute of Complex Social Studies between 1988 and 2004. Another basis for analysis is the Russian society monitoring and thematic polls carried out by the institute since 1993. The article concludes that the degree of intensity of the change of Russian national self-consciousness under the influence of transformation processes was not as significant, as it is often claimed.